

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Медведева

СЕМИОТИКА ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕКСТА ГОРОДА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена изучению городского пространства как текста культуры, в котором активно взаимодействуют разнообразные семиотические языки. В этом смысле городская среда является сложным переплетением пространства, архитектуры, людей, предметов и имен, а также их взаимоотношений в повседневной жизни. Учитывая многоаспектность городской семиотики, представляется целесообразным остановиться на одной из знаковых систем, участвующих в создании текста города. Предметом изучения в данной статье стал феномен достопримечательности в городском пространстве, и шире – семиотика достопримечательностей как один из кодов, формирующих и фиксирующих городской текст. В статье предпринята попытка интерпретировать достопримечательность как знак, являющийся компонентом особой знаковой метасистемы, при переходе в которую знак сохраняет свою принадлежность к исходной семиотике, но приобретает новые черты. Такой подход позволил выявить сопутствующие изменения в прагматике и семантике знаков, а также частично описать специфику их синтактики. Представляется, что обнаружение семантически мотивированных взаимосвязей между знаками такого рода, позволит выявить новые пласты содержания городских текстов и, тем самым, не только обеспечить фиксацию культурной памяти в городской среде, но и реализовать творческую функцию текста города.

Ключевые слова: город; городская среда; городское пространство; город как текст; городской текст; знаковые системы; семиотика; семиотика города; визуальная семиотика; знаковые системы; достопримечательности.

Интерес к феномену городского текста, наметившийся в отечественной науке почти сто лет назад, постепенно привел к формированию концепции «город как текст культуры». В настоящее время можно говорить о существовании двух подходов в изучении текста города. Один из них – литературоведческий – развивает направление

Медведева Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yelena_medvedeva@mail.ru).

исследований, намеченное еще в работах Н.П. Анциферова и продолженное В.Н. Топоровым. В его рамках изучению подвергаются литературные тексты о городе, содержащие художественные коды и образы, выявление которых направлено на «такую идею изучения города, как познание его души, его лика, восстановление его образа как реальной собирательной личности» [Анциферов, 1922: 2]. Как пишет в связи с этим В.В. Абашев, «нас интересует не Пермь, физически существующий город и земля, а *‘Пермь’* – структурно-семантическое образование, одна из категорий русской культуры, осмысливающая и город, и землю» (выделено автором. – Е.М.) [Абашев, 2000: 5]. Ряд упомянутых трудов о петербургском и пермском текстах в настоящее время дополнен работами, посвященными московскому, сибирскому, крымскому, провинциальному и другим городским и локальным текстам.

Второй подход к изучению текста города явился логическим продолжением литературоведческого, однако благодаря трудам тартуско-московской семиотической школы он получил новое направление развития в соответствии с предложенной Ю.М. Лотманом трактовкой города как «сложного семиотического механизма, генератора культуры», представляющего собой «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 2000: 325]. С этой точки зрения *текстом оказывается сама городская среда*, поскольку в ней результаты исторической и культурной жизни оказываются закреплены с помощью архитектуры, топонимики, фольклора и пр., т.е. с помощью разного рода семиотических кодов (см., например: работы С.С. Аванесова, С.В. Пирогова, Г.И. Ревзина и др.). В этом смысле городская среда предстает перед нами как сложное переплетение языка, пространства и архитектуры, людей, предметов и знаков, а также их взаимоотношений в повседневной жизни. Иначе говоря, исследуя город, «мы имеем дело с символическим, мы имеем дело не просто с отдельными знаками, образами, мы имеем дело с непрерывной тканью, которая имеет историческое измерение, географическое измерение»¹.

В целом следует признать, что указанные подходы ничуть не противоречат друг другу: используя различные методы и инструменты, материал для изучения, исследователи тем не менее остаются в рамках классического описания текста города, предложенного еще В.Н. Топоровым: город «говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми,

¹ Салмин Л. Чувство Города. 2012. 12 марта. URL: <https://artbird.ru/zhurnal/rodina/%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 02.02.2020).

историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров, 2003: 42].

На наш взгляд, одной из таких знаковых систем, с помощью которых создается и фиксируется текст города, является семиотика достопримечательностей – своеобразных «точек сопряжения» истории и культуры, обычно пространственно закрепленных в городской среде. Необходимо однако указать на то, что в настоящее время к достопримечательностям могут быть отнесены самые разнообразные феномены, начиная от традиционных (архитектурных построек, музейных комплексов, природных ландшафтов и пр.) и заканчивая необычными и даже экзотическими (блюдами местной кухни, массовыми мероприятиями, местами съемок культовых фильмов и пр.).

Учитывая необычайное разнообразие феноменов, потенциально способных стать достопримечательностью, следует указать на то, что *семиотика достопримечательностей представляет собой знаковую систему метауровня, используемую для передачи информации о городе/ регионе и объединяющую воедино знаки разных семиотик* (архитектуры, ландшафта, гастрономии и пр.). Становление же достопримечательности, т.е. переход обычного объекта из множества подобных ему в класс «примечательных» объектов, можно рассматривать как сугубо семиотический процесс, начинающийся, по-видимому, с изменения прагматики знака.

Так, архитектурное сооружение, расположенное в пространстве города, являет собой знак, план выражения которого составляет определенная архитектурная форма², а план содержания включает самые разнообразные сведения: от утилитарного предназначения постройки (жилой дом, церковь, дворец и пр.) до исторической эпохи создания, имени архитектора и / или владельца, особенностей стиля, исторических событий и / или легенд, связанных с данным зданием. Подчеркнем, что в обычной жизни горожане могут не обращать внимания даже на самые величественные или известные архитектурные сооружения, воспринимая их как часть среды, при

² Следует отметить, что и архитектурная форма представляет собой результат взаимодействия семиотических кодов и определенных композиционных средств: «Различные архитектурные элементы и детали приобретают в композиции специфическое содержание. <...> Будучи функционально значимы, активно включаясь в процессы деятельности человека в архитектурном окружении, такие элементы приобретают развитое символическое содержание, наполняются многообразными культурными значениями» [Барбышев, Сомов, 1990: 78–79]. Однако в интересах данной статьи необходимо отказаться от детального анализа достопримечательности как сложного знака.

этом здание остается для большинства своего рода «пустым» знаком, поскольку значительная часть информации его плана содержания не актуализируется.

Иное дело, если перед тем или иным сооружением появляется, например, экскурсионная группа, и горожане неожиданно для себя обнаруживают чье-то повышенное внимание к привычному объекту. Чужой интерес вполне может актуализировать некоторые фрагменты информации, заставить горожанина вспомнить некие факты, свидетельствующие об особом статусе данного здания. Таким образом, в достопримечательности чрезвычайно важным оказывается *прагматический аспект функционирования данного знака: именно отношения между знаком и воспринимающей аудиторией превращают «обычный» объект в феномен, обладающий дополнительной эмоционально-психологической ценностью.*

Так, например, дом № 10 по ул. Большая Садовая в Москве мог бы остаться в восприятии москвичей одним из многих прекрасных зданий, выстроенных в стиле модерн, мимо которых горожане проходят, отмечая для себя красоту архитектурного решения, но не воспринимая постройку как нечто, связанное с какими-либо важными событиями или личностями. Многие компоненты плана содержания этого архитектурного знака для большинства до сих пор остаются неизвестными³, однако за счет изменений в прагматике знака в 1980-е годы дом № 10 начал выделяться в контексте городской среды:

- повышенное внимание поклонников М.А. Булгакова обусловило узнаваемость данного архитектурного знака другими горожанами, одновременно обеспечив актуализацию смысловых компонентов, связанных с творчеством писателя⁴;
- после открытия в доме № 10 музея М.А. Булгакова в 2007 г. здание приобрело дополнительные визуальные маркеры, выделяющие его в ряду застройки улицы (например, вывеску на доме, особый стилизованный номер дома, отсылающий к роману «Мастер и Маргарита», мемориальную табличку, указатель и пр.).

³ В квартирах построенного в 1903 г. по заказу фабриканта И.Д. Пигита доходного дома проживали многие представители творческой интеллигенции начала XX в.: П.П. Кончаловский, В.И. Суриков, Н.П. Рябушинский и др.; на одной из вечеринок, устроенной в доме, С.А. Есенин познакомился с А. Дункан; после революции в одной из коммунальных квартир ночь перед покушением на В.И. Ленина провела Ф. Каплан.

⁴ В 1921–1924 гг. М.А. Булгаков жил в одной из комнат коммунальной квартиры № 50, ставшей прообразом «нехорошей квартиры» в романе «Мастер и Маргарита»; поблизости располагаются и другие места, связанные с событиями культового романа; здесь же были написаны, например роман «Белая гвардия», повести «Дьяволиада», «Роковые яйца» и некоторые рассказы.

Приведенный пример демонстрирует и еще одну особенность: *при переходе в семиотику достопримечательностей план содержания знака расширяется, приобретая дополнительные смысловые или эмоциональные компоненты*. При этом на развитие и обогащение семантики могут оказывать влияние самые разнообразные факторы, в том числе не имеющие непосредственного отношения к самой достопримечательности. Так, например, проведение киносъемок в городском пространстве, конечно, является необычным событием, однако чаще всего толпа любопытных не придает значения улицам, зданиям, природным ландшафтам, рядом с которыми ведется съемка (скорее внимание привлекает сам кинопроцесс). Более того, городская или природная среда на киноэкране воспринимается лишь как декорация к событиям фильма. Иное дело, если в фильме задействована достопримечательность. В таком случае процесс обогащения семантики оказывается двусторонним: узнаваемый объект используется для создания информационно-образной составляющей фильма, при этом и сама достопримечательность получает возможность для расширения и развития своего плана содержания.

Возможно, Эмпайр-стейт-билдинг так и осталось бы самым высоким зданием Нью-Йорка или одним из красивейших зданий Манхэттена и входило бы в семиотику достопримечательностей города именно в этом качестве. Однако с 1933 г. небоскреб начинает привлекать внимание кинематографистов: первый фильм, задействовавший Эмпайр-стейт-билдинг, – «Кинг-Конг» – эксплуатировал невероятные для 1930-х годов размеры здания, одновременно способствуя его популяризации за пределами Нью-Йорка и превращения в достопримечательность, узнаваемую во всем мире. Позже за счет двух киноверсий любовной истории – фильма «Любовный роман» (1939) и его ремейка «Незабываемый роман» (1957) – план содержания данного узнаваемого знака приобрел дополнительные компоненты (не связанные непосредственно с утилитарными функциями Эмпайр-стейт-билдинг как офисного здания, но прочно закрепившимися в семантике знака): это – одно из самых романтических мест Нью-Йорка, а возможно, и мира, место встречи влюбленных и т.д.

Описывая процесс превращения обычного объекта действительности в достопримечательность, Д. Макканелл выделяет в нем четыре стадии [Макканелл, 2016: 86–88], которые вполне могут быть интерпретированы семиотически, что позволит проследить процесс перехода знака в новую знаковую систему и описать отличия достопримечательности от обычных, «незамечаемых» туристами и горожанами объектов (таблица).

Синтактика достопримечательности как знака может быть использована в сугубо практических целях: *выявление и/или создание*

Стадия 1	
Выбор одного объекта из ряда подобных и маркирование «как достойного сохранения» (сопровождается присвоением имени, подтверждением подлинности и сбором информации о ценности объекта)	Изменение прагматического аспекта знака и последующее расширение его плана содержания
Стадия 2	
фреймирование и возвышение объекта (в некоторых случаях подразумевается не фигуральное, а буквальное очерчивание границ потенциальной достопримечательности, а также подъем объекта, например, на пьедестал)	обогащение плана выражения дополнительными маркерами
Стадия 3	
механическое воспроизводство достопримечательности (производство фотографических, рисованных и/или объемных изображений и пр.)	производство визуализированных знаков-копий; на этом этапе возможно дополнительное расширение плана содержания знака-копии за счет приобретения связи с городом, в котором находится объект; в некоторых случаях знак-копия достопримечательности может стать знаком-индексом города
Стадия 4	
общественное воспроизводство (мероприятия, группы людей, города, регионы начинают называть себя в честь знаменитых достопримечательностей)	производство вербализованных знаков, которые могут стать знаком-индексом достопримечательности и шире – города, в котором она расположена

связей между отдельными знаками в городской среде широко используется при разработке туристических маршрутов. Городские экскурсии задействуют синтагматические связи между достопримечательностями, устанавливая их произвольно (на основании общего знакового характера объектов и их географической близости) или целенаправленно выявляя семантическое сходство знаков и формируя на этой основе так называемые «тематические маршруты». Интересным примером представляется проект, впервые реализованный в г. Нант: на асфальте городских улиц была прочерчена зеленая линия, соединяющая друг с другом достопримечательности и буквально визуализирующая туристический маршрут. При этом «Зеленая линия Нанта» объединила друг с другом не только основные достопримечательности (Герцогский замок, Нантский собор, архитектурные памятники, музеи и пр.), но и городской рынок, кафе и

рестораны, представляющие гастрономический интерес, уличные инсталляции и т.д., за счет чего в городе удалось маркировать наиболее значимые объекты и наглядно продемонстрировать взаимосвязи между ними.

Отметим, что при таком подходе, не учитывающем семантическую соотнесенность знаков друг с другом, установление и маркирование взаимосвязей оказывается слабо мотивированным. Однако и в этом случае в пространстве города возникает подобие визуализированного краткого связного текста, своеобразного «синописа», предлагающего горожанам и туристам возможный ответ на вопрос, поставленный Л. Салминым: «О чем этот город»?⁵

Примечательно, что с 2011 г. опыт г. Нант начал активно применяться в России (например, создание «Зеленых линий» в городах Пермь, Соликамск, Иркутск, Улан-Удэ), при этом в ряде проектов выстраивание связей между достопримечательностями оказалось обусловлено тематикой маршрута, т.е. учитывало и определенную семантическую общность объектов. Так, «Красная линия» в г. Пермь объединила 16 локаций, связанных с историями любви знаменитых людей, а «Синяя линия» в г. Екатеринбург прошла по местам, связанным с семьей Николая II. Данные проекты, основанные на выявлении семантически мотивированных взаимосвязей между знаками, позволяют обнаружить и зафиксировать в городском пространстве (в том числе визуально) новые пласты содержания текста города.

Более того, приведенные примеры отсылают к лотмановскому пониманию текста как «смыслопорождающего механизма», которому помимо его непосредственной функции – передачи определенного сообщения – присущи функция памяти, а также творческая функция. Перефразируя Ю.М. Лотмана, по-видимому, можно утверждать, что текст представляет собой не только «конденсатор культурной памяти», но и «генератор новых смыслов» [Лотман, 2000: 162]. Представляется, что *выявление семантически мотивированных взаимосвязей между отдельными знаками семиотики достопримечательностей позволяет реализовать творческую функцию текста города и обнаружить новые составляющие «общего смысла», закодированного в городском пространстве.*

Таким образом, семиотика достопримечательностей представляет собой знаковую систему метауровня, используемую для передачи информации о городе и содержащую знаки разных знаковых систем. При переходе в семиотику достопримечательностей тот или

⁵ Салмин Л. Чувство Города. 12.03.2012. URL: <https://artbird.ru/zhurnal/rodina/%D0%A1%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 02.02.2020).

иной знак сохраняет свою принадлежность к исходной знаковой системе, однако приобретает особую эмоционально-психологическую важность для воспринимающих и постепенно расширяет свой план содержания. Установление синтагматических связей между отдельными знаками городского пространства, особенно задействующее их семантическую общность, способствует обогащению и развитию текста города (и шире – текста окружающей город территории), позволяет сделать его более привлекательным как для посещения, так и для проживания в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
2. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. СПб., 1922.
3. *Барбышев Е.Н., Сомов Г.Ю.* Формообразующие структуры и архитектурная форма // *Архитектура СССР.* 1990. № 2. С. 74–79.
4. *Голованивская М.К.* Легендарные дороги России: опыт построения модели синтаксической территориальной связности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2013. № 4. С. 56–68.
5. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // *Лотман Ю.М. Семиосфера.* СПб., 2000. С. 150–390.
6. *Макканелл Д.* Турист. Новая теория праздного класса. М., 2016.
7. *Павловская А.В.* Глобальное vs региональное: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. № 1. С. 9–21.
8. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.

Elena V. Medvedeva

THE SEMIOTICS OF LANDMARKS AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE URBAN TEXT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article studies urban space as a text of culture, where various semiotic languages interact. With reference to this urban space can be perceived as a complex contexture of space, architecture, people, objects and names, as well as their interrelation in everyday life. The object of study in the article is a phenomenon of urban space landmarks and, on a large scale, the semiotics of landmarks as one of the codes which form and record the urban text. The author endeavors to interpret landmarks as a sign which constitutes a particular sign meta-system where a transmitted sign saves its appurtenance to its initial semiotics, but takes new features. This approach has enabled us to find out the changes in the pragmatics and semantics of signs and to characterize partly the specifics of the syntactics. The detection of semantically motivated correlation between this type of signs seems to contribute to the process of detection of new sense layers in urban texts and to result not only

in the reinforcement of cultural memory, but also in the fulfillment of the creative function of the urban text.

Key words: city; urban environment; city as a text; urban text; semiotics; semiotics of a city; visual semiotics; sign systems; landmarks.

About the author: *Elena V. Medvedeva* – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yelena_medvedeva@mail.ru).

REFERENCES

1. Abashev V.V. 2000. *Perm' kak tekst: Permskii tekst v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text: Perm text in Russian culture and literature of the twentieth century]. Perm', Izd-vo Permskogo gos. un-ta. (In Russ.)
2. Antsiferov N.P. 1922. *Dusha Peterburga* [The soul of St. Petersburg]. Peterburg, Izd-vo "Brokgauz i Efron". (In Russ.)
3. Barbyshev E.N., Somov G.Yu. 1990. Formoobrazuyushchie struktury i arkhitekturnaya forma [The forming of the structure and architectural form]. *Arkhitektura SSSR*, no. 2, pp. 74–79. (In Russ.)
4. Golovaniivskaya M.K. 2013. Legendarnye dorogi Rossii: opyt postroeniya modeli sintaksicheskoi territorial'noi svyaznosti [Legendary Russian roads: building a model of syntactic territorial coherence]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 56–68. (In Russ.)
5. Lotman Yu.M. 2000. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. In Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Universe of the mind]. Saint Petersburg, "Iskusstvo–SPb", pp. 150–390. (In Russ.)
6. Makkanel D. 2016. *Turist. Novaya teoriya prazdnogo klassa* [The tourist: a new theory of the leisure class]. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2020. Global'noe vs regional'noe: k voprosu o problemakh mezhkul'turnoi kommunikatsii v global'nom mire [The global vs the regional: concerning problems of intercultural communication in the global world]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–21. (In Russ.)
8. Toporov V.N. 2003. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg text of Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. (In Russ.)